

Гюльвердиев Р.Б.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
gyulverdiev@npzhdialog.ru*

Лингвоюридическая конвергенция: миф или реальность?

Для современного мира языковой действительности характерна тенденция к конвергенции. Конвергенция — процесс взаимодействия языковых систем либо их составных частей, характеризующийся сближением, нивелированием различий между ними, увеличением согласованности и взаимосвязанности. Она стала последствием эпохи стремительных трансформаций, которую переживает наше общество (международная экономическая интеграция, развитие информационно-коммуникационных технологий, глубинные изменения социальной структуры и т. д.). Особенно отчетливо мы можем наблюдать ее на примере английского языка, поскольку именно он с конца XX в. занимает позицию ведущего языка международного общения. В связи с этим предметом многих исследований становятся факторы, детерминирующие статус английского языка как «глобального».

М. Б. Штегер указывает на снижение количества разговорных языков в мире. По его словам, в XVI в. их насчитывалось ≈ 14500 , к концу XX в. ≈ 6700 , в 2016 году ≈ 6400 . Из них 50–90 %, по прогнозам некоторых лингвистов, к концу XXI в. будет искоренено [1].

Немного остановимся на этой проблеме и выделим три злободневные дихотомии «англогизации» языковой картины мира.

1. Это мощный инструмент внешней политики государств и мировой экономики или опасный механизм экспансии, влекущей потерю самобытности и неповторимости национальных языков?

2. Господство английского языка способствует межкультурному диалогу и взаимообмену или это империалистическая и гомогенизирующая сила, наносящая ущерб целостности национальных культур и их многообразию?

3. Расцвет английского языка — феномен «lingua franca»¹, который может дать косвенный эффект, — вызывая ответную реакцию, побуждать различные языковые группы к сохранению собственной идентичности, или же он потенциально более опасен ввиду длительности доминирования и постоянства?

Р. Филлипсон, размышляя на эту тему, писал, что английский язык приобрел наркотическую силу во многих частях мира, и эта зависимость имеет долгосрочную перспективу, последствия которой трудно спрогнозировать [2]. Для России «английский акцент» стал характерен после выхода из коммуникативной изоляции на постсоветском пространстве, когда в русский язык бурным потоком устремились «англицизмы» и это неизбежно ведет к обострению «системного кризиса».

В последнее время многие страны предприняли попытку обеспечить равные языковые условия путем соблюдения стандартов качества и этических норм среди специалистов посредством таких законодательных актов, как например в Соединенных Штатах Америки — Закон о переводчиках Федерального суда.

В феврале 2012 года Американская ассоциация юристов (American Bar Association, ABA) разработала стандарты, направленные на преодоление языкового барьера в судах (оригинальное название — ABA Standards for Language Access in Courts, ознакомиться можно на сайте по адресу: <https://www.courts.ca.gov>) — оказание содействия лицам с ограниченным знанием английского языка в эффективном доступе к судебной системе.

¹ *Лингва франка* (итал. «lingua franca» — франкский язык) — язык, используемый для общения между группами людей, говорящих на разных языках. Международное бизнес-сообщество рассматривает английский язык как лингва франка. Определение «lingua franca» из Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 18.02.2019).

Европейский союз (далее — ЕС) является прекрасным примером концепции глобализации и связанных с ней проблем многоязычных государств или организаций в несколько меньшем континентальном масштабе. В Европейском Союзе существует двадцать четыре официальных языка (см.: <https://europa.eu>), которые являются национальными языками каждого государства-члена.

Такая плюралистическая политика зачастую порождает терминологическую непоследовательность и несогласованность в директивах ЕС, что может представлять угрозу для трансграничных операций [3].

Иногда судьям предлагается толковать варианты правил и директив ЕС на нескольких языках и выносить заключение, которое препятствует возникновению коллизий между различными аутентичными версиями документов.

В данных условиях указанные проблемы вызвали оживленную дискуссию о решающей роли языка в процессе гармонизации и необходимости общеевропейского юридического языка в качестве предпосылки конвергенции в области частного права.

В целях гармонизации частного европейского права, особенно договорного права, Европейская комиссия (далее — ЕК) приступила к созданию долгосрочного проекта, известного как Common Frame of Reference, CFR.

В декабре 2007 года Рабочая группа по созданию Европейского гражданского кодекса (The Study Group on a European Civil Code) совместно с Группой по исследованию действующего частного права ЕС (The Research Group on Existing EC Private Law, Acquis Group) опубликовали документ с оригинальным названием Draft Common Frame of Reference, DCFR — Проект общей справочной системы [4].

Он был призван для оптимального решения проблем частного права, острых вопросов согласованности и адекватности законодательства ЕС. Развернулись дебаты как на юридическом, так и на лингвистическом фронте относительно перспектив общеевропейского языка, также некоторые специалисты выразили надежду на плодотворность результатов работы двух групп, которая способствует созданию взаимных стимулов для развития национальных систем частного права государств-членов и как результат — образованию нового *ius commune europaeum*.

Сьюзен Шарчевич, в своей статье «Создание общеевропейского юридического языка» [5] рассматривая CFR и его цели, отмечает, что такие радикальные изменения в рамках CFR сомнительны, ввиду отсутствия единой культуры и юридического языка в настоящее время. Проблема с гармонизацией правовых стандартов, предложенных CFR, заключается не только в несогласованности терминологии разных языковых версий, но, в более широком смысле, — отсутствии единообразных концепций на уровне ЕС, особенно в потребительском праве.

Это также подчеркивает вопрос о том, что не существует чисто «европейской» культуры, самобытности или образа мышления, которые бы помогли создать аналогичный общий юридический язык, а точнее, право ЕС в значительной степени зависит от условий и концептуальных установок национальных правовых систем государств-членов.

Даже если Европейский Союз мог бы каким-то образом создать или принять решение об общем языке, многие ученые-юристы твердо убеждены в том, что это должен быть нейтральный метаязык с общими правовыми концепциями, отделенными от их национальных законов, правовых языков и культур.

Некоторые также полагают, что создать совершенно новый язык будет проще, чем «синхронизировать использование одного языка и его юридической терминологии в разных государствах» [6].

В любом случае изучение как права, так и языка в совокупности, выступающих предметом междисциплинарных исследований, остается крайне важным для дальнейшей гармонизации в сфере частного права и юридического языке в целом. Другой проблемой в поисках согласованности директив ЕС является отсутствие нейтральной терминологии из-за различий в системах гражданского и общего права и индивидуальных национальных толкований.

Кажущиеся простыми термины, такие как «добросовестность» (*good faith*), могут не иметь общих определений и интерпретаций, и их перевод приводит только к большей непоследовательности и путанице, поскольку значение на одном языке порой трудно согласовать с другим. Аналогичным образом проблема полисемии, распространенная в

юридическом языке, также возникает в этом контексте, когда несколько слов выражают одно и то же понятие в разных местностях.

Цель CFR состояла в том, чтобы освободить английский язык от его «багажа» общего права, сделав его одинаково приемлемым как для системы гражданского, так и общего права. Однако многие юристы высказались против подхода проекта CFR, считая, что Европа стремится «цивилизовать» общее право.

Многие предпочитают сохранять идентичность своего национального законодательства, языка и культуры. В связи с этим некоторые высказывали предположение о том, что CFR служит в качестве факультативного инструмента независимого режима договорного права, который стороны трансграничного договора могут использовать по своему усмотрению, но это также вызвало немалую критику. Правительство Соединенного Королевства даже назвало этот вариант «эсперанто-подходом», заявив, что «он будет неудобным и незнакомым для всех» [7].

Принимая во внимание нынешнее состояние глобализации, важность и риски, связанных с переводом и толкованием юридического языка, а также дискуссии об общеевропейском языке, представляется вполне естественным задаться вопросом о том, может ли существовать глобальный юридический язык или подлинный глобальный лингва-франка. Существует точка зрения о том, что такая идея является не более чем продолжением амбиций Европейского Союза и проекта метаязыка CFR, и, по общему признанию, аналогичная концепция была опробована в форме нейтральных универсальных вторых языков, таких как эсперанто, с относительно небольшим успехом [8].

Преимущества глобальной юридической языковой структуры очевидны, поскольку они могут быть экстраполированы из модели меньшего масштаба, на примере ЕС. Использование метаязыка или общего языка в глобальном масштабе позволит сократить операционные издержки транснациональных сделок за счет создания общепризнанной правовой структуры и лексики, а также за счет сокращения потребности в письменных и устных переводчиках.

Это способствовало бы глобализации путем поощрения передачи товаров и идей и теоретически могло бы способствовать созданию глобальной культуры, с которой мог бы быть связан язык.

Вместе с тем сохраняются некоторые внутренние препятствия для принятия или создания нейтрального глобального языка. Многие из проблем, отмеченных в примере проекта CFR ЕС, проявляются и здесь: многозначность, избыточность и отсутствие общих концепций. Одним из главных сдерживающих факторов является активная политика государств по завоеванию международного языкового господства: оно обеспечивает значительную власть доминирующим языковым странам. С помощью языковых средств они могут оказывать большое политическое, экономическое и культурное влияние на международной арене. В то же время граждане этих стран пользуются значительным преимуществом в различных переговорах: риторика кого-либо, говорящего на своем родном языке, всегда более убедительна, чем риторика на языке, которым человек владеет не в полной мере.

Кроме того, невозможно рассматривать данный вопрос вне системного контекста. Это поднимает вопрос о системах гражданского права и общего права (не говоря уже о других существующих правовых системах), как отмечалось вскользь, в контексте CFR Европейского Союза. Основы гражданского права и систем общего права во многих отношениях настолько различны, что часто возникают концептуальные сложности, которые трудно преодолеть. Английские системы, в частности, исторически связаны с общим правом. И наоборот, большая часть остального мира придерживается системы гражданского права, где отсутствуют суды справедливости, а прецедентное право выступает в качестве вторичного источника толкования. Перевод некоторых терминов на новый язык может оказаться проблематичным даже между сторонами, придерживающимися одной системы.

Быстрый рост и развитие английского языка в последние годы сделали его лучшим кандидатом на глобальный юридический язык. В то время как преобладающее большинство людей говорят на китайском языке, чем на любом другом языке (составляет 1,3 млрд. чел. [9]), английский остается официальным языком в восьмидесяти семи странах и регионах мира [10] и обычно считается наиболее широко используемым вторым и изучаемым языком в мире.

Однако доминирование очень редко сопровождается нейтралитетом, необходимым для такой лингвистической роли, как глобальный юридический язык.

Гегемонистская мощь Соединенных Штатов и общественное мнение страны во всем мире, в частности, ставят под угрозу любой потенциальный нейтралитет, который может породить статус второго языка. Одна из основных проблем, связанных с принятием английского языка в качестве глобального юридического языка, связана с его взаимосвязью с правовой системой общего права. Как упоминалось выше, большинство правовых систем следует гражданскому праву, и многие понятия общего права, в том числе те, которые подпадают под одни и те же или схожие термины, имеют совершенно разные значения в гражданских системах.

Любое предложение принять английский язык в качестве глобального юридического языка, скорее всего, столкнется с проблемами, обусловленными западными истоками языка и соответствующей ему культурой. Международное право уже выглядит очень западно-ориентированным. Если бы английский язык был каким-то образом навязан мировому сообществу как глобальный правовой язык, он, несомненно, внес бы вклад в западные концепции международного права и, скорее всего, сделал бы это в ущерб уникальным особенностям других правовых систем. Китай, в частности, представляет собой яркий пример, поскольку его невероятно долгая династическая история в сочетании с оксидентализацией многих областей права создала поистине уникальную правовую систему.

Введение глобального языка потребовало бы от государств, желающих принять в этом участие, значительных усилий. Наиболее вероятным способом достижения такого универсального обязательства было бы принятие резолюции в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Однако даже Организация Объединенных Наций (далее — ООН) не включает в себя все государства мира, и некоторые из них неизбежно будут подвергнуты изоляции.

В целом препятствия для английского языка или любого другого существующего языка в этом вопросе в нынешних условиях, скорее всего, остаются слишком большими, чтобы иметь реальную возможность создать глобальный юридический язык.

Таким образом, по мере того, как наш мир продолжает идти по пути глобализации, расширение международного взаимодействия ведет к увеличению языковой путаницы и непонимания. Существует множество потенциальных проблем с навязыванием западного языка и связанных с ним правовых рамок всему миру.

Стремление к использованию глобального правового языка и формированию глобального сообщества должно происходить практически одновременно, но пока направление в этом русле протекает слишком медленно. В настоящее время наилучшим решением является дальнейшее содействие взаимопониманию между правовыми системами и культурами и работа над достижением наилучшей эквивалентности по смыслу путем повышения роли юристов-лингвистов и более тесного сотрудничества в области как публичного, так и частного международного права.

Литература

1. См. подробнее: Steger Manfred B. *Globalization: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 2017.
2. См. подробнее: Phillipson R. *English — Only Europe? Challenging Language Policy*. London: Routledge. 2003.
3. См.: *Legal Discourse across Languages and Cultures* / eds. M. Gotti, Ch. Williams. Bern: Peter Lang AG. 2010. P. 9. (339).
4. См.: *Модельные правила европейского частного права*; перевод полного текста см.: *Модельные правила европейского частного права* / пер. с англ., науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.
5. См.: Šarčević S. *Creating a Pan-European Legal Language: Legal Discourse across Languages and Cultures* / eds. M. Gotti, Ch. Williams. Bern: Peter Lang AG. 2010. P. 23. (339).
6. См.: Heutger V. *A More Coherent European Wide Legal Language* // *EloP*. 2004. № 2. Vol. 8. URL: <https://papers.ssrn.com> (дата обращения: 25.06.2019).
7. См.: *UK Opposes Plans for 28th Regime for Contract Law*. URL: <https://www.pinsentmasons.com> (дата обращения: 25.06.2019).
8. См.: Hargitt S. *What Could Be Gained in Translation: Legal Language and Lawyer-Linguists in a Globalized World* // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2013. № 1. Vol. 20. Pp. 425–447.
9. См.: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 25.06.2019).
10. См.: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 25.06.2019).